

Елена Тахо-Годи
Памяти Омри Ронена

Он любил повторять мне: «Это очень плохо, если у Вас нет врагов или Вы не хотите о них знать. Враги должны быть». И они у него были, и их было немало. Конечно, он мог бы, как это зачастую принято, не говорить то, что думает или хотя бы не высказывать это так резко. Но он этого не хотел — принцип был для него выше личного расположения.

Из всех его устных воспоминаний о себе, лишь малая толика которых воплотилась на страницах очерков «Из города Энн», одно мне запомнилось наиболее явственно — о юношеской дуэли на рапирах, когда он, весь забрызганный собственной кровью, думал, что это кровь его поверженного врага, не убитого, а только упавшего от испуга в обморок. Он рассказывал об этом смеясь, но мне всегда казалось, что это не просто забавный эпизод из прошлого, из приключений начитавшегося романтических книжек подростка, а один из тех экзистенциальных моментов, когда проявляют себя дух и характер личности.

В таком контексте уже представлялись закономерными участие в венгерском сопротивлении 1956 года, тюрьма, бегство за границу, смена имени, резкие выпады в тот или иной адрес — его рапира всю жизнь продолжала язвить противников — явных и тайных.

Те же, кто завоевали его дружбу или получили ее как незаслуженный дар, понимали, что перед ними не просто «профессор» или видный «мандельштамовед», автор таких известных исследований, как «An approach to Mandel'stam» или «Серебряный век как умысел и вымысел», а человек, живущий

в культуре так, как живут герои романа в «большом романном времени». Для Ронена культура не была поделена на изученные, или еще не изученные, или не требующие вовсе изучения за ненадобностью участки. Цитировать по-латыни Вергилия или вспоминать о редкой английской детской книжке, читать по-украински стихи Шевченко или помнить эдикт какого-нибудь французского короля было для него также естественно, как дышать.

Он относился к той редкой породе людей, которые всегда с культурой на «ты» — будь это античность, средневековье, символизм или наше время. И те, кто это понимал, кто мог по-художнически наслаждаться блеском эрудиции, переставал обращать внимание на его всегда готовую к выпадку обнаженную рапиру иронии и сарказма. И поэтому ему везло на друзей, на достойных и преданных читателей и собеседников. И они у него были, и их было немало.

Вспомню сегодня только одного из них — и тоже ушедшего — Михаила Леоновича Гаспарова. Не забуду их рядом в тесноте старорежимного ультросоветского номера московской гостиницы «Ленинградская», где любил, прилетая из Штатов, останавливаться Ронен, — таких абсолютно вроде бы не схожих и таких счастливых встречей друг с другом, возможностью быть понятыми с полуслова, с полунамека, с оборванной и тут же узнанной цитаты. Они оба жили в одном культурном пространстве. И теперь они снова вместе. И этой встрече уже не будет конца.

2 ноября 2012 г.

